

## **Оптимальная модель расторжения нарушенного договора**

**Трофимов Сергей**, магистерская программа «Частное право» НИУ ВШЭ

### **1. Порядок расторжения нарушенного договора**

Положение п. 2 ст. 450 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ), закрепляющее в качестве общего правила судебную модель расторжения нарушенного договора, очевидным образом диссонирует как с рядом положений общей части обязательственного права (п. 2 ст. 328, п. 2 ст. 405 ГК РФ), так и со специальными положениями об отдельных договорах (п. 2 ст. 475, п. 3 ст. 723 ГК РФ).

В целом, судебная модель расторжения в зарубежных правовых порядках встречается скорее в качестве исключения (до недавних пор наиболее наглядным примером являлся французский правовой порядок). Акты частноправовой унификации также придерживаются внесудебной модели отказа (PICC, DCFR).

С точки зрения осуществления судами контроля над расторжением нарушенного договора, именно внесудебная модель расторжения, предполагающая *ex post* контроль, выглядит предпочтительнее, поскольку освобождает суды от рассмотрения бесспорных случаев расторжения нарушенного договора. В свою очередь судебная модель расторжения, помимо увеличения нагрузки на суды, создаёт избыточные литигационные издержки для обеих сторон договора.

### **2. Критерий существенности нарушения и установление дополнительного разумного срока (Nachfrist)**

#### *а.) Необходимость предоставления дополнительного срока должнику*

Решение ряда европейских правовых порядков (Германия, Франция, Австрия, Швейцария) предоставить должнику дополнительный срок для возможности «исправиться» и совершить надлежащее предоставление, с одной стороны, направлено на сохранение однажды возникших договорных обязательств (и в этом смысле очевидно коррелирует с идеей *pacta sunt servanda*), а с другой стороны, отражает определённую долю «сочувствия» к абстрактному нарушителю договора.

С учётом того, что это решение далее корректируется рядом исключений – ситуаций, когда потерпевшая сторона не обязана предоставлять нарушителю дополнительный срок, оно выглядит сбалансированным, поскольку позволяет учесть заслуживающие внимания интересы пострадавшего.

В российском праве необходимость предоставления дополнительного срока предусмотрена положениями об отдельных видах договоров (ст. 619, п. 3 ст. 723, п. 1 ст. 1037 ГК РФ). С учётом вышеизложенного, указанное решение отечественного законодателя видится правильным и требующим генерализации в правилах о расторжении договора.

#### *b.) Последствия «несоблюдения» дополнительного срока должником*

Последствием неисправления нарушителем недостатков в предоставлении в течение дополнительного разумного срока должно быть безусловное предоставление потерпевшей стороне права на отказ от договора. В качестве обоснования такого решения можно привести предполагаемое отпадение интереса кредитора в исполнении (договоре).

В отношении последствий такого решения придерживаются как Германия и Франция, так и акты частноправовой унификации (CISG 1980, DCFR, PECL, PICC). Этот подход разделяется и отечественным законодателем в тех нормах, которые предусматривают установление дополнительного срока.

Между тем, подлежит обсуждению и следующая модель реагирования на нарушение должником дополнительного срока: создание (лишь) *опровержимой презумпции* существенности нарушения договора в этом случае. Такое решение предоставит должнику шанс «показать» (а судье – оценить) соразмерность/несоразмерность последствий нарушения дополнительного срока с точки зрения баланса интересов сторон.

### **3. Последствия расторжения нарушенного договора**

В качестве общего замечания стоит отметить, что, вероятно, ни одна развитая правовая система не может предусматривать единый правовой режим для расторжения любого синаллагматического договора.

#### *a.) Ретроактивный/перспективный эффект расторжения*

В частности, для договоров купли-продажи (впрочем, необходимо обсуждать отдельно поставку нескольких партий товара) и подряда имеет смысл остановиться на ретроспективной модели (*ex tunc*) расторжения договора, предполагающей возврат всего полученного в результате исполнения договора сторонами. В то же время для длящихся договоров (аренды, ссуды, займа, оказания услуг) разумно использовать перспективную модель (*ex nunc*) расторжения, то есть приведение сторон к эквивалентности осуществлённых предоставлений и расторжение договора только на будущее время.

С этих позиций заслуживает поддержки позиция правоприменителя, выраженная в п. п. 8-10 Постановления Пленума ВАС РФ от 06.06.2014 № 35 и предполагающая дифференцированный подход в зависимости от характера предоставлений сторон.

*b.) Правовой режим требования о возврате полученного по расторгнутому договору*

В отношении квалификации требования о возврате полученного по расторгнутому договору мы согласны с теми учёными (например, А.Г. Карапетов), которые предлагают сначала выработать в законодательстве и правоприменительной практике справедливые решения для отдельных аспектов возврата полученного, а затем на основании данных решений (иными словами, от частного к общему) определить природу соответствующего требования.

В продолжении этой логики, на наш взгляд, подлежит обсуждению, насколько в целом правовой режим возврата полученного будет отличаться в зависимости от квалификации указанного требования в качестве договорного или кондикционного.

*c.) Риск случайной гибели имущества, переданного по расторгнутому договору*

Например, неочевидным выглядит решения правоприменителя (п. 6.2 Постановления Пленума ВАС РФ от 06.06.2014 № 35) перенести риск случайной гибели имущества, переданного в собственность стороне, на нарушившую договор сторону. Видимо, в основе указанного разъяснения принцип меньшего благоприятствования нарушителю.

Между тем, акты частноправовой унификации (например, PICC) знают и другой подход к данной проблеме. На наш взгляд, риск случайной гибели в данном случае однозначно должен лежать на получившей его в собственность стороне, подлежит обсуждению догматическое и политико-правовое обоснования такого возложения риска. Впрочем, с некоторой долей преувеличения можно отметить тенденцию ВС РФ по корректировке ранее обозначенного подхода ВАС РФ (например, *Определение СКЭС ВС РФ от 4 августа 2015 г. № 310-ЭС15-4563*).

*d.) Порядок возврата сторонами полученного по расторгнутому договору*

Парадоксально, но российский ГК не содержит чёткого регулирования в отношении данного вопроса. Между тем, отсутствие мнения законодателя порождает сложноразрешимую проблему т.н. «первого шага»: каждая сторона расторгнутого договора опасается произвести первой обратное предоставление, приняв на себя риск невозврата имущества от другой стороны.

Зарубежные порядки, как правило, конструируют правовой режим, предполагающий *одновременность* взаимного возврата полученного по расторгнутому договору (например, известное правило о возврате „*Zug um Zug*“ в Германии).

С недавних пор российский правоприменитель предложил следующее решение проблемы: при расторжении договора по иску одной из сторон ВС РФ предлагает *ex officio* рассматривать требования о возврате каждой из сторон всего полученного по договору (Определение СКЭС ВС РФ от 18.08.2020 № 309-ЭС20-9064 по делу № А76-4808/2019, Определение СКЭС ВС РФ от 26.03.2021 № 303-ЭС20-20303 по делу № А51-19963/2019).

Несмотря на критику ряда современных отечественных цивилистов (например, И.С. Чупрунов), мы видим такой подход приемлемым для разрешения указанной проблемы, по крайней мере, до тех пор, пока законодателем с учётом мнения юридического сообщества не будет выработано более гибкое решение.